

Любовь Фадеева

«Электоральная культура»: теоретический конструкт или очередная концептуальная натяжка?

Понятие «электоральная культура» в последнее время стало использоваться для характеристики электоральных процессов достаточно широко. Определенным показателем могут быть результаты поиска в Интернете: Google, к примеру, дает 8 920 000 результатов поиска русскоязычного термина и 8 770 000 — англоязычного. В России в начале 2000-х гг. защищен целый ряд диссертаций по общественным наукам, посвященных электоральной культуре, в которых она рассматривается как фактор демократизации государства, как социальное явление и т.п. Стали популярными семинары и конференции, темой которых является электоральная культура. Разрабатываются программы повышения и развития электоральной культуры, часто с особым вниманием к молодежи как целевой группе. На мой взгляд, при этом самому термину «электоральная культура» уделяется незначительное внимание; похоже, он повторяет судьбу понятия «политическая культура», который, по словам Люсьена Пая, вызывает «быстрое интуитивное понимание» того, о чем идет речь. Как правило, авторы даже не считают нужным соотнести понятия «электоральная культура» и «политическая культура», либо оговариваясь, что первая — часть второй, либо отмечая, что это параллельные феномены. Особенно удивительно, что авторы российских публикаций об электоральной культуре не сомневаются в широком и повсеместном принятии данного термина в политической науке. Нередко к числу исследователей электоральной культуры относят всех, кто занимается изучением электоральных процессов, электорального поведения, в том числе и неинституционалистов. Между тем в рамках этого направления есть жесткие критики концепта политической культуры, которые считают его концептуальной натяжкой (Д. Норт, В. Гельман).

В западной политической науке, особенно в американской, понятие «электоральная культура» используется редко и неохотно — как правило, применительно к странам «транзита» (Россия, Украина, Нигерия, Казахстан и др.)¹. Иногда его относят

¹ См. например: <http://blog.oneworld.am/2008/02/21/iyc-insufficient-electoral-culture>; <http://www.informaworld.com/smpp/content~db=all~content=>

и к относительно маргинальным политическим силам в странах «старой» демократии. Так, Д. Ортон рассуждает об электоральной культуре канадских «зеленых» с их эгоцентричным сознанием, отличающимся от традиционного антропоцентричного видения мира².

Что же касается собственно электоральных исследований, то западные ученые говорят не об электоральной культуре, а об электоральном поведении, электоральных ориентациях. Профессор Принстонского университета Ларри Бартельс выложил на своем сайте подготовленную им для «Оксфордского справочника по американским выборам и политическому поведению», который выйдет в 2011 г., статью, где он характеризует разработанные исследователями подходы к анализу электорального поведения³. В этом анализе, как и в обширном библиографическом списке по проблематике электорального поведения, ни разу не встречается понятие «электоральная культура». Все внимание автора сосредоточено на трех основных подходах к анализу электорального поведения: классических моделях Колумбийской и Мичиганской школ и модели рационального выбора. Тезис Лазарсфельда о том, что «социальные характеристики определяют политические предпочтения», а также принятое обозначение этой школы как социологической, вовсе не означают переноса внимания исследователей с индивида на социальную среду. Социальный и исторический бэкграунд, партийные предпочтения, политическая роль профсоюзов и других социальных институтов, социальная дифференциация, религиозные и этнические меньшинства, роль СМИ и другие факторы, совокупная характеристика которых составляет содержание работы, определяют психологию индивидуального электорального выбора. Мичиганская модель (социально-психологическая) сделала упор на изучение политической идентификации, в особенности партийной. Важно отметить, что представители этой школы настаивали на сугубо индивидуальном характере изменений в партийной идентификации.

Бартельс не только подробно описывает разработку ключевых для объяснения электорального поведения моделей, но и прослеживает их последующую судьбу с вниманием и даже страстью. Он отмечает, что Колумбийская и Мичиганская

.....
a783048012; <http://asiapacific.anu.edu.au/newmandala/2006/11/04/reminder-make-your-contribution-on-local-electoral-culture>

² What Green electoral culture? [электронный ресурс] http://home.ca.inter.net/~greenweb/Green_electoral_culture.html

³ Bartels L.M. The Study of Electoral Behavior // Oxford Handbook on American Elections and Political Behavior / Ed. Jan Leighly. P. [электронный ресурс] <http://www.princeton.edu/~bartels/papers.htm>

модели привлекли множество последователей, академических пилигримов, пытавшихся научиться у мэтров, «однако за стенами башни из слоновой кости история двигалась, Америка менялась». Такие внеученные факторы, как движение за гражданские права, городские беспорядки, война во Вьетнаме, вторгались в научный мир и, казалось, ставили под сомнение выводы авторов «Американского избирателя» об относительном простодушии масс, их нежелании принимать политического участия в истории идей и т.п.⁴ Взгляды «ревизионистов» нашли отражение в изданной в 1976 г. книге Нормана Ная, Сиднея Вербы и Джона Петроцика «Меняющийся американский избиратель», вызвавшей оживленные дебаты.

В самом деле, 1970-е гг. были временем, когда в Европе представители разных дисциплин пытались поставить под сомнение монополию американских ученых в социальных и политических науках. Политологи, социологи, социальные психологи акцентировали внимание на том, что американская наука основывается на стереотипах, лежащих в основе американского индивидуализированного общества, в котором индивид рассматривается как рациональное существо, стремящееся сохранить статус-кво, а всякое другое поведение оценивается как девиантное. Этот протест выразился в ряде публикаций, конференций и акций, но долговременного эффекта не имел. Ничего концептуально не изменилось и в исследованиях электорального поведения. В 1989 г. Эрик Смит выпустил книгу «Неменяющийся американский избиратель». Считая, что от ревизионистов было больше шума, чем толку, Бартельс отмечает как их достижения два момента. Во-первых, они вписали взаимодействие между элитами и массами в академическую повестку дня: «Когда В.О. Кей в работе “Ответственный электорат” предложил метафору эхо-камеры, в которой вердикт электората не может быть больше, чем выборочным отражением предложенных ему альтернатив и взглядов, это дало не только объяснительную модель поведения электората, но и импульс к инновационным исследованиям поведения элит и его электоральных последствий»⁵. Во-вторых, они привлекли серьезное внимание к проблеме измерения электорального поведения. Особое внимание Бартельс уделяет модели рационального выбора, считая, что она реорганизовала структуру знания, стимулировала новые открытия, подняла новые вопросы для исследования электорального поведения. Кстати, в электоральных изысканиях российских исследователей эта модель наиболее популярна⁶.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ Второй электоральный цикл в России. 1999–2000 гг. / Под ред. В. Гельмана, Г. Голосова, Е. Мелешкиной. М., 2002.

Рассуждая о традициях исследования электорального поведения, профессор Оксфордского университета Энтони Хит отмечает, что все три основные традиции — Колумбийская школа с акцентом на социальное влияние, Мичиганская модель с ее вниманием к партийной идентификации и экономико-ориентированная модель Э. Даунса и его последователей — имеют нечто общее. Как и в модели рационального выбора, социологический и социально-психологический подходы исходят из того, что избиратель — индивид, действующий рационально, выбор которого основывается на его индивидуальных предпочтениях, партийных ориентациях и т.п.⁷ Хит указывает, что политологи и социологи характеризуют эндогенные и экзогенные факторы электорального выбора, но доминирующей моделью остается индивидуалистическая⁸. Он ставит закономерный вопрос о том, насколько применима эта индивидуалистическая модель к тем странам, где процесс индивидуализации развит слабо. Однако он убежден в том, что необходимо распространять разработанные западной наукой электоральные модели наряду с электоральными практиками.

Таким образом, предполагается, что об электоральной культуре можно говорить лишь применительно к ситуациям, когда социальные привычки и влияние сильнее рационального выбора, то есть к незападным обществам. Вероятно, на скептицизме в отношении к электоральной культуре сказывается и восприятие политической культуры как концептуальной натяжки. Действительно, привлечение политической культуры в качестве объяснительного фактора нередко оценивается как «выгаскивание кроликов из шляпы культуры»⁹. В то же время исследователи электорального поведения нередко оказываются в недоумении, когда поведение избирателей в массовом масштабе трудно объяснить сугубо рациональными и экономическими соображениями, то есть когда избиратель ведет себя в противоречии с теорией рационального выбора. Такая ситуация возникла, в частности, в период Фолклендского кризиса. Фолклендский фактор не мог быть объяснен экономическими соображениями и вызвал оживленные научные дискуссии, в ходе которых давались разные трактовки поведения электората.

⁷ Р.В. Евстифеев ошибочно трактует социологическую модель как игнорирующую индивидуалистическую трактовку формирования (*Евстифеев Р.В.* Мелодии электоральных пространств. Политический процесс и электоральные предпочтения избирателей (Владимирская область, 1999–2009 гг.). Владимир, 2009. С. 87).

⁸ Heath A. Perspectives of Electoral Behavior // The Oxford Handbook of Political Behavior / Ed. R. Dalton, H.-D. Klingemann. Oxford, N.Y.: Oxford University Press. 2007. P. 611–615.

⁹ The Poverty of Political Culture // American Journal of Political Science. 1996. Vol. 40. N 3. August. P. 712.

В этом контексте уместно привести высказывание Г. Алмонда: «Разумеется, рациональные интересы социальных классов, религиозных и этнических групп — мощный двигатель политических движений и конфликтов. Однако патриотизм, приверженность своей общине, религиозные ценности, наконец, просто привычки и традиции, очевидно, невозможно исключить из числа факторов, объясняющих политическую структуру и легитимность»¹⁰. Кстати, любопытно, что в хрестоматийном коллективном исследовании Берельсона, Лазарсфельда и Макфи «Голосование: исследование формирования мнений в президентской кампании» (1954) отмечено, что обычное сравнение выбора избирателя с решением потребителя или бизнесмена не слишком корректно: «Для многих избирателей политические предпочтения лучше сопоставить с культурными вкусами — в музыке, литературе и др.»¹¹. И те и другие предпочтения имеют схожие истоки — в этнических, семейных, социальных традициях. Они демонстрируют не только относительную стабильность, но и способность к изменениям: «В то время как оба вида предпочтений зависят от изменившихся условий и стимулов, они относительно нечувствительны к прямой аргументации и чувствительны к непрямому социальному влиянию. Оба типа характеризуются больше верой, чем убеждением, и больше нацелены на желаемые ожидания, нежели на прогнозируемые последствия». Кроме того, как справедливо отмечает Р. Евстифеев, «нерациональных действий в электоральной практике значительно больше, чем принято считать»¹². Таким образом, можно найти немало аргументов в пользу использования политико-культурного подхода в электоральных исследованиях, а это требует верификации понятия «электоральная культура».

Согласно справочнику «От политической мысли к политической науке: Справочник персоналий российской политической мысли и науки с древнейших времен до современности», впервые рабочее определение понятия «электоральной культуры» было предложено в научных трудах новосибирского профессора И.Н. Гомерова, который трактовал ее «как специфический элемент политической культуры, как систему знаний, оценок и норм политических выборов. Он утверждает, что электоральная культура включает ряд субкультур, локализованных в определенных пространственных сферах, а также игровые, мифологические, теологические, художественные, нормативные, оценочные, познавательные и иные ее подсистемы. В основу классификации электоральных культур

Гомеров положил такие критерии, как степень их социальной или индивидуальной направленности, рационализации или иррационализации, символизации или прагматизации, диалогизации или монологизации»¹³. Однако эти разработки оказались как-то на периферии отечественной науки, хотя в авторефератах диссертаций по электоральной культуре ссылки на работу Гомерова имеются. Вместе с тем предлагаются и другие определения электоральной культуры: «Электоральная культура — это система рациональных и иррациональных ориентаций и предпочтений избирателей, а также нормы, правила и традиции, регулирующие электоральный процесс в обществе. Под рациональными характеристиками электоральной культуры понимаются знания, убеждения, осознанные предпочтения избирателей, рационализированные модели электорального поведения. Иррациональные предпочтения избирателей проявляются в эмоциональном настрое электората, в неосознанных глубинных мотивах эмоционального выбора, часто связанных со страхами, опасениями, неуверенностью в завтрашнем дне»¹⁴. По мнению автора данного определения, «политическая и электоральная культура предстают взаимообусловленными явлениями»¹⁵. Представляется, что такие дефиниции без верификации их эмпирическим материалом и без соотношения с наработанными в электоральных исследованиях результатами выглядят сугубыми декларациями и скорее дискредитируют понятие «электоральной культуры», нежели уточняют его.

Уточнением в отечественной науке понятия электоральной культуры более всего оказались заняты специалисты по политической географии. Именно они, изучая территориальное распределение электоральной поддержки, обратили внимание на различия предпочтений и моделей поведения электората в разных регионах и территориях, стали «застрельщиками» в изучении региональных субкультур. В их работах понятие «электоральная культура» используется достаточно часто. Исследователи электоральных процессов не углубляются в терминологические дебри, а предлагают использовать понятие электоральной культуры

¹³ От политической мысли к политической науке: Справочник персоналий российской политической мысли и науки с древнейших времен до современности / Автор-составитель Я.И. Пляйс. М., 1999. С. 152–153.

¹⁴ Формирование и развитие российской электоральной культуры. [реферат: электронный ресурс] <http://www.nauka-shop.com/mod/shop/productID/54310/> (Авторство этого текста на сайте не указано. Указана лишь цена пересылки текста — 950 рублей).

¹⁵ Авторство этого текста на сайте также не указано. Дано лишь название работы — «Трансформации политической культуры российского общества» и цена пересылки текста — 800 рублей.

¹⁰ The Civic Culture Revisited / Ed. G. Almond, S. Verba. Boston; Toronto, 1980. P. 30.

¹¹ Bartels L.M. Op. cit.

¹² Евстифеев Р.В. Указ. соч. С. 97.

в качестве рабочего термина: «Термин “электоральная культура” (населения, территории) подразумевает устойчивые особенности отношения избирателей к выборам и практике их проведения, сложившийся стиль взаимоотношений между избирателями и властью. В узком смысле понятие “электоральной культуры” подразумевает степень реальной зависимости («управляемости») избирателей в процессе выборов»¹⁶.

Российские исследователи электорального поведения разработали систему показателей, по которым, на их взгляд, можно определять наличие на той или иной территории страны «особой электоральной культуры». К таким показателям они отнесли следующие: суммарная доля всех недействительных бюллетеней; повышенная (или пониженная) явка на избирательные участки; процент голосов избирателей, поданных против всех кандидатов; доля голосов, отданных победившему в данной ТИК кандидату; разница в количестве голосов, отданных за кандидатов, занявших первое и второе места (отрыв лидера от ближайшего преследователя); суммарная доля голосов, отданных двум лидерам; доля недействительных бюллетеней; разница доли голосов, отданных победителю в данной ТИК, и среднего по стране показателя по этому кандидату; показатель регионального патриотизма и поддержки «своего» губернатора¹⁷. На основе этих показателей авторы делают вывод о том, что можно говорить о существовании на электоральной карте России территорий с «особой электоральной культурой». Границы таких территорий, на их взгляд, совпадают с административными границами некоторых субъектов Российской Федерации (главным образом национальных образований республик и автономных округов). Они отмечают также, что «управляемые» регионы часто соседствуют друг с другом, при этом формируются ареалы особой электоральной культуры. Было выделено три таких ареала, которые устойчиво проявляются от выборов к выборам: Северный Кавказ, Волжско-Уральский и Южно-Сибирский¹⁸. Такой подход вполне уместен как при интерпретации, так и для прогнозирования электоральных процессов в регионах, но ясности в терминологическом плане он не добавляет. Более того, в какой-то мере затрудняет понимание и использование понятия «электоральная культура», поскольку политические географы используют его прежде всего в узком смысле: как степень зависимости избирателей от властей в

процессе выборов. Понятие «электоральная культура» в широком плане использует Р.Ф. Туровский, предлагая выделить такие «идеальные типы электоральных культур на концептуальной электоральной карте России», как столичная, квазистолничная, индустриальные полупериферии (которые делятся на экономически благополучные и неблагополучные), «оборонные» полупериферии, этнические периферии, русские периферии¹⁹. Для него основаниями для выделения типов электоральных культур выступают особенности электорального поведения и набор причин, обусловивших его. Категоризация понятия «электоральная культура» в задачи автора определено не входила.

Можно констатировать, что по отношению к понятию «электоральная культура» наблюдается тот же «терминологический беспредел», что и во всем, что касается культурных аспектов политических процессов. Целый ряд авторов вообще не утруждают себя попытками концептуализировать электоральную культуру, зато они готовы давать рецепты ее развития, улучшения и совершенствования. В особенности это относится к так называемой правовой электоральной культуре. Так, И.А. Дурнова, пресс-секретарь саратовской коллегии адвокатов, приводит целый перечень способов и мер «повышения правовой электоральной культуры молодежи», замечая при этом, что он «не может быть исчерпывающим, постоянно разрабатываются и применяются и другие меры: поощрение впервые пришедших на голосование, организация клубов молодых избирателей при муниципальных библиотеках, проведение круглых столов и форумов для молодых людей и представителей органов власти и общественных организаций, проведение дискуссионных игр по вопросам избирательного права, избирательного процесса, проблемам участия молодежи в политической жизни общества среди учащихся, проведение “Брейн-рингов”, КВН, телешоу и др.»²⁰.

На мой взгляд, понятие «электоральная культура» следует рассматривать в прочной связи с концептом политической культуры. Но при этом нужно отдавать себе отчет как в гетерогенности самого этого концепта, так и в общепризнанных сложностях, связанных с его использованием. Концепт политической культуры в полной мере испытал на себе (и продолжает испытывать) воздействие не только научных, но и вненаучных факторов. «Интуитивное понимание» и отсутствие потребности в уточнениях объясняют не только широкую популярность понятия «политическая культу-

¹⁶ Заварзин А.В., Орешкина Д.Д., Тикунов В.С. Электоральная культура России: классификации и картографирование в геоинформационной среде. [электронный ресурс] <http://observer.pskovregion.org/article.phtml?code=9>

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Туровский Р.Ф. Концептуальная электоральная карта постсоветской России // Полития. Зима 2005–2006. № 4.

²⁰ Дурнова И.А. Правовая электоральная культура молодежи. [электронный ресурс] <http://ilkomsar.ru/publications/molodej.php>

ра», но и критику этого понятия представителями других подходов, в особенности институционального. Проблема верификации политической культуры как концепта и феномена была и остается одной из самых серьезных научных проблем. В концептуальном отношении серьезные нарекания вызывает отсутствие единства в определении компонентов политической культуры — как зауженная (сугубо социально-психологическая), так и расширительная их трактовка. Если рассматривать электоральную культуру как часть культуры политической, как совокупность стереотипов сознания и поведения, относящихся к выборам как институту, то это не избавляет политологов от необходимости соотносить такой подход с классическими моделями исследования электорального поведения. Между тем американские исследователи электорального поведения не задаются вопросом о том, что представляют собой выборы для самих граждан: считается аксиомой важность и неизбежность выборов как неотъемлемого элемента политической системы.²¹

Для российского общества вопрос об отношении граждан к выборам в целом является далеко не риторическим. Г.Л. Кертман предложил пять вариантов такого отношения, оценки выборов: как волеизъявления граждан; как возможность публично высказать свое мнение; как механизм селекции и ротации кадров; как формирование органов власти; как ритуал, привычка, долг²². На отношение к выборам влияет множество факторов как относящихся к традициям, укоренившимся привычкам, так и современных. В последние годы возрастающее использование манипулятивных технологий, так называемого административного ресурса ослабляют восприятие выборов как воле-

²¹ Бартельс обращает внимание на то, что коллективная работа «Голосование: исследование формирования мнений в президентской кампании» завершилось главой Берельсона «Демократическая практика и демократическая теория», которая в критическом ключе ставила ряд проблем избирательного процесса в США: недостаток настоящих дебатов, слабую мотивацию избирателей к участию в выборах, недостаток демократических ожиданий, иллюзию, будто избиратель хорошо информирован о политических делах. Но Берельсон видел в этих проблемах и определенную выгоду: «Если будущее демократии зависит всецело от квалификации индивидуального избирателя, то демократии выживут на протяжении веков... Апатичный сегмент Америки, вероятно, поможет сохранить систему, несмотря на все разногласия, перестройки и изменения». Правда, Бартельс тоже выносит эту постановку вопроса в подстрочник. А ведь она вполне согласуется с концептом гражданской культуры как культуры, включающей и активистские, и подданнические компоненты.

²² Кертман Г.Л. Традиционалистская реинтерпретация демократических институтов в российской политической культуре // Институциональная политология / Под ред. С.В. Партушева. М., 2006. С. 437–441.

изъявления граждан или как института публичной политики. Исследователи отмечают возрастание уверенности граждан в имитационном характере выборов, параллельно (или в прогрессии) с возрастающей неуверенностью в честности подсчетов голосов избирателями. П.В. Панов считает, что «массы относятся к электоральным (и вообще политическим практикам) под углом зрения частных интересов, но они лишены лидеров, которые могли бы артикулировать эти интересы»²³. Надежды на то, что российский избиратель «избавлен от багажа социальных связей и предопределенных решений»²⁴, не оправдались. Более того, теперь уже исследователи задаются вопросом, почему люди в России все же ходят на выборы? Отвечая на этот вопрос, М.П. Белоусова обнаруживает, что выборы сохраняют для российских граждан важные функции. К значимым моментам можно отнести демонстрационные свойства выборов, ценности устойчивости и порядка, стремление быть как цивилизованные страны, потребность в когнитивных ориентирах, представление о своеобразном общественном договоре и солидарности. Исследователь называет этот поведенческий синдром скептическим романтизмом²⁵.

В то же время западные исследователи электорального поведения отмечают нарастающую потребность в кросс-национальном анализе. В России попытку помещения электорального поведения в компаративистский контекст предпринимала Ю.Д. Шевченко²⁶. Концептуально компаративистским можно назвать исследование Оливера Уошинского, который рассматривает в одной связке политику, культуру, институты и политическое поведение²⁷. Он считает, что живучесть культурных образцов обеспечивает устойчивость паттернов политического поведения²⁸. Хит ставит, как он выражается, сверхамбициозную задачу — исследовать взаимозависимость политических и социальных структур²⁹. А традиционные исследования (например, партийной идентификации как важнейшего

²³ Панов П.В. Институциональные основания устойчивости и фрагментации политического порядка в постсоветской России. Пермь, 2008.

²⁴ Шевченко Ю.Д. Между экспрессией и рациональностью: об изучении электорального поведения в России // Полис. 1998. № 1.

²⁵ Белоусова М.П. Мифологическая реальность избирателя // Вестник Института Кеннана в России. Вып. 13. М., 2008. С. 19–23.

²⁶ Шевченко Ю.Д. Подводя итоги: результаты российских выборов 1993–1996 гг. // Первый электоральный цикл в России (1993–1996) / Под ред. В.Я. Гельмана, Г.В. Голосова, Е.Ю. Мелешкиной. М., 2000.

²⁷ Woshinsky O.H. Explaining Politics, Culture, Institutions and Political Behavior. New York; London, 2007.

²⁸ Ibid. P. 80.

²⁹ Heath A. Op. cit. P. 611–615.

фактора электорального поведения) наталкиваются на свои рифы. Так, Бартельс указывает, что исследователи электорального поведения — Маркус, Конверс и Пэйдж, Джонс — используют сходные методики, задают одинаковые вопросы, но при этом приходят к диаметрально противоположным выводам о том, насколько партийная идентификация влияет на выбор избирателя. На его взгляд, поскольку каузальные модели вызвали сомнение, «многие исследователи, вместо того чтобы строить более сложные и всеобъемлющие модели индивидуального электорального поведения, переключились на другие вопросы, которые легче поддаются обработке. В результате современное исследовательское поле электорального поведения становится более эклектичным и оппортунистическим»³⁰. Дополнительным фактором поиска новых подходов и моделей изучения электорального поведения становится нарастающий запрос общества. Играет свою роль и отклик общественных организаций

³⁰ Bartels L.M. Op. cit.

и фондов, стремящихся оказать содействие в развитии электоральной культуры³¹.

Как пишут авторы книги «Компаративное правление и политика», «исследовать, как люди относятся к политике своей страны, означает изучать политическую культуру»³². Перефразируя этот тезис, можно сказать, что изучение электоральной культуры — это исследование того, как люди относятся к институту выборов в национальном контексте и в кросс-национальном сравнении. Можно, конечно, отвергнуть понятие электоральной культуры, предпочитая рассматривать культурные аспекты электорального поведения как подчиненные другим аспектам и факторам. Но так или иначе, требуется определенность методологических позиций и выверенность категориального аппарата с учетом наработанного политической наукой опыта, в том числе и опыта тех, кто работает в других научных парадигмах. А вытаскивать кроликов из шляпы — прерогатива другой профессии.

³¹ [электронный ресурс] <http://bridge-project.org/about-bridge/overview>

³² Hague R., Harrop M., Breslin S. Comparative Government and Politics. An Introduction. London, 1998. P. 59.